

Е Чанцзянь смотрел на аккуратно разложенные сучжоуские закуски:

— Одному мне столько не съесть, поешь со мной? Эх, если бы ещё вино было!

Тан Цюци ответил:

— Если бы ты попросил звёзды, старший брат, возможно, достал бы их для тебя. Но о вине можешь забыть. Ты ещё не выздоровел, нельзя ни капли.

Е Чанцзянь взял палочки и начал с аппетитом есть:

— Ты правда не будешь?

Тан Цюци придвинул стул и сел:

— Практикуя путь меча, нельзя увлекаться мясом — это усиливает желания и порождает демонов сердца.

Хотя он был по натуре свободолюбивым, с детства, находясь под строгим контролем Тан Цзянли, он всегда следовал пути культивации.

Он молча смотрел на Е Чанцзяня некоторое время, затем сказал:

— Господин Гу, спасибо тебе.

Е Чанцзянь удивился, и Тан Цюци продолжил:

— Заместитель патриарха рассказал о твоём ранении. Если бы жертвоприношение завершилось, и демоническое божество вернулось в мир, Танмэнь постигла бы катастрофа. Ты предотвратил это, и я бесконечно благодарен.

С этими словами он встал и поклонился Е Чанцзяню.

Е Чанцзянь посмотрел на него с укором:

— Я же говорил, что не люблю, когда мне благодарят.

Он постучал палочками по краю стола:

— Садись уже.

Тан Цюци улыбнулся и снова сел.

Е Чанцзянь задумался на мгновение, затем сказал:

— Жертва для призыва демонического божества должна быть рождена в год, месяц, день, час и минуту инь, то есть иметь чисто иньскую природу. Тот, кто наложил запретное заклинание, должен был знать Тан Ханьюя и Танмэнь досконально, чтобы обойти охрану и проникнуть в его комнату для ритуала.

Улыбка Тан Цюци исчезла, на его лице появилась тень серьёзности.

Е Чанцзянь спросил:

— Тан Цюци, что ты думаешь о Тан Ханьюе и как бы ты к нему относился?

Говоря это, он внимательно наблюдал за выражением лица Тан Цюци, пытаясь уловить хоть что-то.

Тан Цюци спокойно ответил:

— У меня нет больших амбиций. Единственное, чего я хочу, — это защищать Танмэнь. Когда старший брат станет патриархом, я буду служить ему, не щадя своей жизни. Если в будущем патриархом станет Тан Ханьюй, я также буду служить ему, не боясь никаких испытаний.

Его слова звучали искренне, без тени лжи.

С детства он был принят в Танмэнь, и клан дал ему дом. Благодарность к учителям была для него настолько велика, что, возможно, Танмэнь значил для него то же, что Ночная переправа под звон ветра значила для Е Чанцзяня.

Е Чанцзянь сказал:

— Ты так прямодушен, что я чувствую себя мелким человеком.

В Танмэнь единственным, кто мог представлять угрозу для Тан Ханьюя, был Тан Цюци. Кроме того, Тан Цзянли, казалось, очень ценил его, а его собственный характер был легкомысленным, и его действия часто были непредсказуемыми. Наверняка не один человек подозревал его.

Тан Цюци улыбнулся, не придав этому значения.

Е Чанцзянь сказал:

— В таком случае, постарайся сблизиться с ним. Его окружают сомнительные друзья, которые рано или поздно его испортят.

На этот раз Тан Цюци посмотрел на него с укором:

— Его характер более переменчив, чем у женщины. Я не могу с этим справиться. Он ведь не моя жена.

Е Чанцзянь со смехом ударил его по голове:

— Ты ещё молод, а уже думаешь о жёнах? Если ты не поможешь ему, никто не поможет. Этот парень хочет с тобой подружиться, но слишком горд, чтобы сделать первый шаг.

Тан Цюци с видом «я так и знал» сказал:

— Он что, девушка?

Е Чанцзянь ответил:

— Не знаю, девушка ли он, но какая девушка в Танмэнь может сравниться с твоей красотой?

С этими словами он с улыбкой ущипнул Тан Цюци за щёку.

Тан Цюци отмахнулся от его руки:

— Моя внешность не такая уж редкая. Хм... Может, стоит тебе рассказать?

Он словно что-то вспомнил, но не решался сказать.

Е Чанцзянь сказал:

— Ты что, как баба? Говори уже, если есть что сказать.

Тан Цюци нахмурился, подумал и, наконец, решился:

— Только не сердись.

Е Чанцзянь махнул рукой:

— Знаю, знаю.

Тан Цюци понизил голос и таинственно произнёс:

— В кабинете старшего брата спрятан портрет. Раньше он часто закрывался в кабинете и смотрел на него. Честно говоря, я видел много людей, но никто не мог сравниться с этой небожительницей. Думаю, на портрете изображена его первая любовь.

— Но раз старший брат так относится к тебе, значит, он уже отпустил её. Тебе не стоит переживать.

Он поспешил добавить это, боясь, что Е Чанцзянь разозлится.

Е Чанцзянь сказал:

— Человек, которого Тан Цзянли не может забыть, должно быть, необыкновенный. Я бы хотел взглянуть на этот портрет.

Не дав Тан Цюци возможности отказаться, он бросил палочки, схватил его и выбежал из Бамбукового двора.

Тан Цюци поспешно сказал:

— Без разрешения старшего брата никто не может войти в его кабинет!

Е Чанцзянь ответил:

— Чего ты боишься? Если что, всё свалю на себя. Я же всё ещё больной, что он мне сделает?

Тан Цюци сказал:

— Только держи себя в руках.

Е Чанцзянь улыбнулся.

Тан Цюци с удивлением спросил:

— Почему у тебя глаза покраснели? Почему Зеркало Инь и Ян у тебя на поясе двигается? Странно, откуда этот холод?

Е Чанцзянь пнул его ногой в зад и со смехом сказал:

— Ну же, веди меня!

Тан Цюци, любивший пошалить, с хитрой улыбкой повёл его через другую дверь в резиденцию. Они крались, стараясь не попасться на глаза людям в зале, и, наконец, добрались до кабинета.

Тан Цюци уже хотел войти, но Е Чанцзянь остановил его:

— Там барьер! Если ты сделаешь шаг, Тан Цзянли сразу узнает!

Он увидел слабое золотое свечение, окружающее кабинет, и высунул язык:

— Что делать?

Е Чанцзянь спросил:

— Как ты раньше проникал в его кабинет, чтобы посмотреть на портрет, не зная, как разрушить барьер?

Тан Цюци ответил:

— Несколько лет назад, в Праздник середины осени, все уехали в город. Я тогда простудился и остался в комнате. Мне стало скучно, и я тайком выбрался. Проходя мимо кабинета, я через щель увидел, что старший брат выглядит печальным. Я испугался! Пригнулся и снова заглянул в щель. Старший брат держал в руках портрет. Я пригляделся — лицо на портрете было таким, что, наверное, во всём мире не найти второго.

Его слова разожгли любопытство Е Чанцзяня. Он вспомнил, что в одной из древних книг, которые он читал днём, был описан способ разрушения барьеров, и сказал Тан Цюци:

— Сосредоточь энергию.

Тан Цюци не понимал, что он задумал, но последовал его указаниям.

Е Чанцзянь сказал:

— Повторяй за мной: «Истинное сердце очищает путь, свет луны наполняет мир, рассеивая туман».

Он начал бормотать заклинание, и Тан Цюци повторял за ним. Когда они произнесли:

— Разрушь,

барьер исчез. Е Чанцзянь толкнул его вперёд, и они вошли в кабинет. Как только они переступили порог, барьер восстановился.

Е Чанцзянь спросил:

— Где портрет?

Тан Цюци, вспомнив, подошёл к книжному шкафу у стены и начал искать:

— Кажется, старший брат его спрятал.

Он нащупал что-то, и раздался щелчок, словно сработал механизм. Из стены выдвинулся ящик. Е Чанцзянь подошёл и увидел, что в ящике лежит свёрток.

Этот портрет, должно быть, имел большое значение для Тан Цзянли, раз он хранил его в потайном месте.

Он на мгновение заколебался, не зная, стоит ли смотреть.

Но Тан Цюци уже взял портрет и осторожно развернул его, показывая Е Чанцзяню:

— Смотри, она прекрасна, как небожительница.

Е Чанцзянь застыл на месте.

На портрете был изображён человек в красной одежде, с изящными чертами лица, яркой улыбкой и необыкновенной красотой.

Он пробормотал:

— Этот портрет...

Тан Цюци сказал:

— Здесь есть подпись старшего брата. Он, должно быть, сам его нарисовал. Не расстраивайся, хоть ты и не так красив, как она, старший брат не станет судить по внешности. Всё это лишь оболочка.

С этими словами он свернул портрет и положил его обратно в ящик, аккуратно закрыв его.

Тан Цюци, видя, что Е Чанцзянь выглядит потерянным, подумал, что всё испортил. Если из-за этого между Гу Няньцином и старшим братом возникнет разлад, он никогда не сможет искупить свою вину.

— Ты в порядке? Старший брат не бросит тебя, должно быть, эта небожительница уже ушла из жизни...

Е Чанцзянь, увидев свой собственный портрет, почувствовал, как сердце забилось быстрее. В его голове мелькнула мысль, которую он боялся осознать. Услышав, как Тан Цюци продолжает болтать, приняв его прошлую жизнь за женщину, он не смог сдержать смеха, ударил его по голове и сказал:

— Какая небожительница? Это мужчина!

Тан Цюци почесал щёку:

— Вот оно что! Я всё думал, что в этом портрете что-то не так. Оказывается, это мужчина.

<http://bllate.org/book/16478/1497003>